Сын Рима

— Ты наблюдателен, Солус.

— Спасибо, дядя.

— Я не закончил.

— Сэр.

— Зоркий глаз – это добродетель, но только если ты знаешь, куда смотреть. Что искать. Некоторые вещи не откроются блуждающим глазам. А некоторые вещи раскрываются только через наблюдение других.

— Сэр?

— Если ты хочешь узнать истинную меру человека, понаблюдай за миром, когда он умрёт.

Триумф Гая был смехотворной вещью. Это был декаданс и экстаз, обрётшие форму, марш поклонения, проходящий по каждой улице великого города Рима. Его невозможно было игнорировать, да и кто захочет? Весь город собрался на праздник. Музыка и приветствия были обильны, военные горнисты и музыканты из числа граждан достигли чудесной синхронности. Как будто сами Музы играли через них.

Пневма моего двоюродного деда пронеслась по улицам, возвещая о его возвращении всем, у кого были глаза, что бы видеть, и необъяснимо оживляя тех из нас, кто шёл в его процессии. Мы маршировали по каменным дорогам Рима так же неутомимо, как и по болотам и топям западного фронта. Легионеры, специально выбранные за доблесть в бою, бросали в толпы плебеев полные кулаки сверкающих серебряных динариев.

Здесь было больше богатств, разумеется. Гораздо больше. Гай поручил своим лучшим трибунам развозить по улицам драгоценные металлы и украшения размером со сжатый кулак человека, которых хватало, чтобы заполнить телегу за телегой до предела.

Триумфы были событиями, которых каждый римлянин, от плебея до патриция, ждал не меньше, чем любого праздника. Это были общегородские торжества, которые продолжались до глубокой ночи, и награждали только тех, кто проливал свет Республики на затенённые земли.

Человек мог наслаждаться поклонением великого города, только если он сначала расширил его границы. Сделал его больше, чем он был до этого.

Сегодня Гай праздновал свой четвёртый Триумф за последние дни.

— Мы знаем тех, кого ведём, — сказал Гай. Он гордо сидел на своём личном коне и благосклонно кивал всем собравшимся. Колесница более соответствовала традициям, но генерал западного фронта выбрал своего боевого коня. — Это самое малое, чего можно ожидать от нас – знать их имена, кто они в душе. В конце концов, они – клинок. Как победа может быть возможна, если ты даже не знаешь, что у тебя в ножнах?

Идя рядом с лошадью моего двоюродного деда, у его бедра, я обдумывал вопрос. Риторический, как всегда.

— Со временем ты приобретёшь этот навык, — сказал он мне. Не заверение, а факт, как будто он мог просто сказать, и это стало бы реальностью. Возможно, он мог. — А пока понаблюдай, что происходит, когда умирает хороший человек.

Гай свистнул высокую и чистую ноту, и триумфальные знамёна поднялись.

Огромный шум толпы поднялся выше, когда изображения наших усилий на западе были с гордостью представлены на увенчанных орлами штандартах. Центурионы из любимого легиона Гая несли их с суровыми лицами, но глаза их сияли.

Четыре комплекта знамён соответствовали четырём дням триумфа. В первый день битвы за Галльские земли проходили под бурные аплодисменты. Во второй – завоевание диких Бриттов и их жалкого острова. В третий – окровавленные снежные равнины северной Германии.

Каждый день Гай проводил по городу свергнутого короля, по одному на каждый народ. Это были воины, которые могли в одиночку сокрушить армии меньших людей без особых усилий, но они терпели оскорбления от патрициев и плебеев. На них плевали люди, которых они могли бы убить простым плевком, если бы не кандалы на их запястьях. А в конце каждого дня они были обезглавлены под бурные аплодисменты.

Сегодня, однако, не было королей, над которыми можно было бы насмехаться. Когда знамёна поднялись, чтобы изобразить четвёртый и последний триумф полководца западного фронта, поднявшаяся волна аплодисментов не была хвалебной.

Народ Рима закричал в агонии.

Пальцы моей жены крепко сжались вокруг моих. Она прижалась к моему боку, когда граждане и вольноотпущенники закричали. Выли. Рыдали. Старая женщина на террасе выла, впиваясь ногтями в своё морщинистое лицо, как будто, чтобы убрать его от многочисленных знамён.

Я оглянулся на ведущее знамя, самое жуткое из всех. Я видел его впервые. Я сразу понял, что на нем изображено, – новость, которую мой двоюродный дед с такой яростью встретил в поле.

В оттенках киновари и вермилиона Молодой Волк вырывал свои внутренности, пока его сын и

слуги сражались с ним.

— Народ Рима знает, что я в одиночку командую западными легионами, — сказал Гай, как будто мы всё ещё сидели вокруг песочного стола в его командном шатре. — Они знают, что я могущественнее, чем они когда-либо могли надеяться стать. Моё мнение о них имеет значение. Мой статус – это зверь, которого они не могут позволить себе спровоцировать. И всё же.

Народ Рима воззвал против Гая.

— Это наследие хорошего человека, — сказал он, холодными серыми глазами оглядывая скорбящих граждан Республики. Сегодня было много знамён. — Оно не сдаётся. Не трусит. Среди неба и земли его характер неоспорим.

Воспоминание. Мой двоюродный дед, сгорбившийся над своим песочным столом. Лист папируса раздавленный в его кулаке.

Я не желаю тебе твою смерть, как ты не желал бы мне свою жизнь.

— Зачем вообще это праздновать? — тихо спросил я. Моя жена испуганно посмотрела на меня, её хватка на моей руке была сокрушительной. Это было безумием – задавать вопросы тирану Запада.

— Первые три дня были праздниками, — сказал он. Его глаза были ужасно старыми. — Сегодняшний день – это заявление.

Я смотрел на Республику в трауре. Пришло понимание, а вместе с ним и ужас. Народ Рима в отчаянии оплакивал своих погибших сыновей. Но они не поднялись.

— Ты можешь стать хорошим человеком, племянник, — предложил он мне. Моя челюсть сжалась.

— Или я могу повести их.

Гай кивнул.

— Никогда оба.

— Что-то не так, — размышлял Грифон. Он шёл босиком по улицам заваленным толчёным камнем и разнообразным мусором, одна рука держала рукоять украденного клинка, а другая

покачивалась на боку.

Это было вопиющее преуменьшение. Внешние границы Олимпии представляли собой руины, дома и дороги были разорваны и разбросаны на четыре ветра, как будто здесь прошёлся разъярённый бог. По мере того как мы продвигались дальше, ближе к этой далёкой горе с её вечным штормом, разрушения постепенно уменьшались. Это было связано скорее с качеством архитектуры, чем с чем-то ещё. Чем ближе мы приближались к сердцу Олимпии, тем лучше её дома и памятники смогли выдержать явное бедствие.

Но даже когда опустошённые трущобы уступили место избитым жилым кварталам, а затем гладким улицам из обожжённой алой глины, мы едва увидели другую душу. Тут были бродяги, да. Бездомные и рабы тоже. Но горожан было мало, а те немногие, кого мы видели, спешили впереди нас с факелами и с завёрнутыми свёртками в руках.

— Это свежее, — продолжал Грифон, его алые глаза блуждали по затемнённым руинам. — Но атмосфера совсем не правильная. Горожане спешат, а дворняги слоняются без дела.

Я сжал правую руку, рядом с обнажённым клинком, который я украл у пирата. Это было уродливое, плохо сделанное оружие, не имевшее даже ножен. Но это было всё, что у меня было на данный момент.

— Вольные города не держат постоянных армий, — сказал я тихо. — Они призывают своих граждан, когда идут на войну.

— Вряд ли. — Грифон нахмурился, наклонив голову, как будто другой угол зрения мог дать ему ответ. — Олимпия – центр свободного Средиземноморья, государство-святилище. Любой город, который решит начать с ней войну, будет разорван семью рядами зубов, прежде чем пробьёт её стены.

Свет расцвёл в его покачивающейся ладони, розовые пальцы зари освещали путь впереди. Я проследил путь горожанки, когда она спрыгнула со своей террасы, расположенной тремя этажами выше, и ловко приземлилась на дорогу из красного камня. Она была одета в прекрасные одежды цвета индиго, в руках у неё был завёрнутый свёрток. Она бросила на нас быстрый взгляд, а затем повернулась и помчалась по улице. Её сандалии звенели при каждом шаге.

— Это не паника. — Бродяги спешили, но не в бешенстве. — Им есть куда идти.

— Всему городу? — спросил Грифон. — В такой час?

— Может быть, Бушующее Небо проводит свои обряды, — предположил я.

Грифон насмешливо хмыкнул: «Не будь абсурдным».

— Абсурд? — с недоверием повторил я. — Твой отец сорвал звезду с неба, и ты считаешь ураган абсурдом?

— На его собственный культ, да. Он не сравнял с землёй весь грёбаный город.

Я хмыкнул, признав утверждение.

Мы продолжили путь, и чем ближе мы подходили к сердцу города, тем грандиознее

становилась его архитектура. Театры, бани и всевозможные грандиозные жилые комплексы были в изобилии. Следы бедствия были повсюду, но сами здания перенесли бурю без проблем. И всё же на улицах не было ни одного жителя.

Только когда мы увидели свет факела, я наконец понял. Сначала это было далёкое свечение, едва ли ярче, чем свет в ладони Грифона, но по мере нашего приближения оно становилось всё больше и ярче. Оно превратилось в море, колышущиеся волны пламени факелов устремились к центральному павильону города. Тысячи и тысячи горожан собрались на агоре, когда луна проглянула сквозь грозовые тучи, окутавшие гору Бушующего Неба.

Жуткая тишина сменилась криками. Призывами. Заунывным песнопениям. И я понял.

— Это похороны, — сказал я. Глаза Грифона расширились, когда он уловил связь.

Мой наставник рассказывал мне о смерти, как её понимали Греки. Когда человек умирал, его жизненная сущность покидала его с последним дыханием. Последний вздох, который так легко пропустить. Этот принцип был верен и для культиваторов. Но масштабы отличались. Культивирование делает человека больше тем, чем он уже является. Оно улучшает всё, что он делает, к лучшему или худшему.

Олимпия не подверглась нападению. Она пострадала от стихийного бедствия, но не в традиционном смысле. Истина была написана на каждом плачущем лице и в каждом завёрнутом подношении. Жители Олимпии, культиваторы со всех уголков Средиземноморья, собрались на разбитой агоре, чтобы отдать дань уважения.

Тиран умер.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3177432